

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-2-11-25

УДК: 94

А.А. Шаповалов

Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Военная политика Древнего Рима в Северной Африке во второй половине II в. до н.э. в оценке отечественной историографии

В рамках трех периодов отечественной историографии (имперском, советском и современном) выявлены основные исследовательские концепции анализа военной политики Древнего Рима в контексте его общей и политической истории, подходы к имперскому статусу, территориальным экспансиям, внешней политике в Африке, отношениям с зависимыми и подчиненными государственными образованиями. Показаны сходства, преемственность и различия историографических этапов, внешние и внутренние факторы, ограничения, влиявшие на объективность и полноту исследований. Прослежена эволюция доктринальных представлений в геополитике, истории военного дела, частично – в источниковедении.

Ключевые слова: отечественная историография истории Древнего Рима, Карфаген, провинция Африка, римская провинциальная система, Третья Пуническая война, Югуртинская война

© Шаповалов А.А., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Шаповалов А.А. Военная политика Древнего Рима в Северной Африке во второй половине II в. до н.э. в оценке отечественной историографии // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 2. С. 11–25. DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-2-11-25

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-2-11-25

A.A. Shapovalov

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

Military policy of Ancient Rome in North Africa in the second half of the II century BC in the assessment of Russian historiography

Within the framework of three periods of Russian historiography (imperial, Soviet, and modern), the main research concepts of the analysis of the military policy of Ancient Rome, in the context of its general and political history, approaches to the imperial status, territorial expansions, foreign policy in Africa, relations with dependent and subordinate state formations. The similarities, continuity and differences of the historiographic stages, external and internal factors, limitations that affected the objectivity and completeness of the research are shown. The evolution of doctrinal ideas in geopolitics, the history of military affairs, and in part, source studies is traced.

Key words: Russian historiography of Ancient Rome, Carthage, province Africa, Rome provincial system, Third Punic War, Yugurtin War

FOR CITATION: Shapovalov A.A. Military policy of ancient Rome in North Africa in the second half of the II century BC in the assessment of Russian historiography. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2023. Vol. 14. No. 2. Pp. 11–25. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-2-11-25

Военная политика империй, прежде всего Римской, всегда оставалась в фокусе внимания исследователей, исходя из классической формулировки К. Клаузевица: «война есть продолжение (орудие) политики» [12, с. 16]. Несмотря на международно-правовую неприменимость этого положения со второй половины XX в. (Преамбула и ст. 1 Устава ООН), война и сегодня продолжает выполнять упомянутую функцию. В этой связи сохраняет актуальность изучение исследовательских подходов к военной политике Рима, ее компонентов, как в рамках классической «триады» К. Клаузевица, концепций «пан-идей» «большого пространства» (которое завоевывал Рим) К. Хаусхофера [32, с. 27–29], так и с более современных позиций.

Все классики геополитики и военные теоретики, так или иначе, но строили свои теории, опираясь на военно-геополитическую историю Древнего Рима. Неслучайно поэтому Югуртинская война признается современными авторами «рубежным событием» [6, с. 4] римской истории.

Исследователей продолжает интересовать мотивация, методы и общая проблематика расширения государств за пределы своих «естественных» границ, отражение реальных и готовность к потенциальным угрозам, военное планирование, подготовка и расстановка войск, т.е. факторы, во многом определявшие политику римских императоров.

В этой связи сохраняет актуальность исследование военной политики Древнего Рима в Северной Африке во второй половине II в. до н.э. В отечественной историографии истории Древнего Рима, как и его военной политики, устоялись традиционные хронологические рамки, обусловленные сменой исследовательских парадигм и идеологий: 1) до 1917 г.; 2) советский период (до 1991 г. включительно); 3) постсоветский [11, с. 14], которых мы и будем придерживаться.

Систематизируем круг основных проблем завоевательной политики Древнего Рима в Северной Африке второй половины II в. до н.э., исследуемых в отечественной литературе, выделив в качестве квинтэссенции такой политики Югуртинскую войну.

Во-первых, это общие предпосылки усиления влияния Рима в Северной Африке и в связи с этим политическое и социально-экономическое развитие Рима, состояние армии. Во-вторых, это военная политика Рима в отношении Карфагена, военные действия (Пунические войны), которые привели к его падению и переходу региона под контроль Рима. Базовыми вопросами в историографии здесь стали причины военной экспансии Рима. В-третьих, политическая ситуация в Нумидии после 118 г. до н.э., смерти царя Миципсы, раздела царства, гражданской войны, захвата власти Югуртой и войны с Римом. Основными

исследовательскими вопросами данной темы стало выявление мотивов политики Рима в отношении Югурты, общей стратегии внешней политики на африканском направлении, боеготовности армии и коррупции в военном аппарате. На всех трех этапах в фокусе научного внимания оставалась римская военная стратегия и тактика в военных действиях против нумидийских войск, специфика набора солдат в римскую армию и реформа Гая Мария. Особое внимание уделялось выявлению причин длительных неудач римской армии, их взаимосвязи с факторами внутреннего развития Рима, результативности военной реформы.

На первом историографическом этапе (до 1917 г.) магистральным направлением исследований была оценка военной стратегии и мощи римской армии, ее оснащенности, истоков военных побед Рима в Африке. В этот период отчетливо проявилась определенная ограниченность исследовательской методологии. Авторы, писавшие по теме, видели причины побед Рима и его экспансии в Африке в большей степени в субъективных факторах, таких как качества полководцев, моральный дух и храбрость легионеров, уровень их подготовки и т.п. При этом практически полностью игнорировался социально-экономический аспект. В этом смысле экономика и социально-политические институты Рима в русской историографии слабо связывались с боеспособностью армии и мотивацией территориальной экспансии.

Этот подход был характерен не только для анализа Древнего Рима, он в целом доминировал в тот период в военной истории. Присущ он и фундаментальному обобщающему труду Н.С. Голицына, который подробно останавливается на особенностях военной стратегии и тактики сторон карфагено-римских войн, уделяя пристальное внимание расстановке войск, полководческим талантам при захвате Римом Северной Африки, в то же время фактически игнорируя при этом социально-экономический контекст [8].

Одной из попыток его введения в научный анализ стала работа военного историка Н.П. Михневича, в которой автор, хотя и факультативно, но все же предпринимает попытку связать военные успехи и неудачи Рима в борьбе с Карфагеном с политическим и экономическим факторами развития римского общества. Так, Михневич указывает на то, что особенности политического режима Рима и уровень его экономического развития оказывали непосредственное влияние на ход Пунических войн [19, с. 100]. В то же время методы и оценка такого влияния в работе отсутствуют и фактически замещены некоторой идеализацией военнополководческого искусства, характерной для всей военно-исторической науки того времени, долгое время испытывавшей на себе влияние «полководческих» подходов в анализе более поздних европейских войн.

Марксистский анализ военной политики Рима строился на базе классового подхода и, как это было характерно для начала XX в., теории империализма. Так, выступая 6 (19) октября 1917 г. по вопросу новой партийной программы, В.И. Ленин признал войну Рима и Карфагена «с обеих сторон империалистской», полагая таковой, вне времени, когда бы она не происходила, «всякую войну, в которой обе воюющие стороны угнетают чужие страны или народности, воюя из-за раздела добычи, из-за того, “кому больше угнетать или грабить”» [16, с. 362]. Применительно к войне Рима и Карфагена ленинская позиция не была оригинальна, а в определенной мере представляла собой попытку развития идей Р.Ю. Виппера, который в конце 1900-х гг. однозначно характеризовал захватническую политику Рима в Африке как империализм, в том числе и в социально-экономическом аспекте¹. Элементы марксистской классовой и политэкономической теории, использованные ученым, позволили сделать вывод о том, что военные действия Рима в рассматриваемом регионе, с одной стороны, привели к значительному расширению рабства, а с другой – содействовали зарождению капиталистических отношений в античном мире. Столь противоречивое суждение никак не могло обосновывать римский империализм на основе лишь одного признака территориальных захватов.

В целом, на первом этапе отечественная историография заложила солидный фундамент для дальнейшего изучения рассматриваемой темы. Тогда был выявлен, переведен и вовлечен в научный оборот огромный массив античных источников, собрана и систематизирована фактология римской экспансии в Северную Африку, даны обстоятельные характеристики политикам и полководцам, оценена боеспособность армий противоборствующих сторон. В рамках относительной академической свободы русские историки могли без ограничений оперировать данными зарубежных коллег. Некоторая ограниченность в методологии, игнорирование социально-экономического контекста, неразвитость геополитического анализа несколько сузили возможности исследователей.

¹ На рубеже XIX–XX вв., после выхода монографии Дж. Гобсона «Империализм», это понятие оказалось в центре научной дискуссии, которая распространилась не только на текущие экономические, как это показано у Р. Гильфердинга и В.И. Ленина [7; 17] и международные отношения, но и далеко вглубь истории, особенно касаясь истории империй. И, хотя в рамках политэкономического мейнстрима определение империализма совершенно не подходило для экономики Римской империи, за исключением лишь «территориального раздела мира», именно этот единственный фрагмент часто и не вполне корректно использовали как признак некоего раннего или «античного империализма», из-за чего вся эта концепция выглядела натянуто. Не преодолела указанного противоречия и концепция ультраимпериализма К. Каутского, выдвинутая в 1914 г. Сегодня концепция античного (римского) «империализма» развита в работах В.О. Никишина [21].

На втором, советском, историографическом этапе североафриканская военная политика Рима подвергалась интенсивному исследованию, включая и анализ непосредственно Югуртинской войны. Важно, что военными действиям Рима против Карфагена, результатом которых стало уничтожение последнего и формирование римской провинции Африка, Югуртинской войной, занимались ученые разных направлений и школ. Приступая к их анализу, следует помнить об идеологических и методологических ограничениях, в силу которых, как полагала Г.Д. Алексеева, историческая наука почти не развивалась, а вместе с обществом «была превращена в закрытую, замкнутую систему, постепенно теряющую свои потенциальные возможности для развития, для обновления и реформирования» [1, с. 11]. Советская историография, как подчеркивал в свое время Ю.Н. Афанасьев, вообще не могла считаться собственно историографическим явлением, а лишь специфическим «научно-политическим феноменом, гармонично вписанным в систему тоталитарного государства и приспособленным к обслуживанию его идейно-политических потребностей» [3, с. 37]. К анализу проблем античности это относится в меньшей степени, ввиду существенно меньшей политизации и идеологизации предмета исследования.

Марксистская методология способствовала ощутимому смещению акцентов с подробного описания военных действий и полководческих талантов, что можно было наблюдать в работах авторов предшествующего периода, на обобщения, анализ совокупности причин, факторов хода и результатов военных кампаний, обусловленность их результатов не только военными факторами, но и политическими. На них при исследовании Югуртинской войны обратила внимание А.В. Игнатенко, акцентируя внимание на военной реформе Гая Мария [9, с. 65]. В то же время ощущалось доминирование классового подхода, с позиций которого рассматривалась и история античности. Примером тому может служить диссертация [23] и последующие работы Б.П. Селецкого, сегментирующие диссертацию по регионам [24; 25].

В своем фундаментальном труде С.И. Ковалёв [14] подробно анализировал особенности римской военной системы в период войны с Нумидией. Здесь же дан обстоятельный анализ Югуртинской войны, а боевые действия показаны как один из наиболее значимых индикаторов упадка государственной и военной систем Рима. Так, неудачи римской армии во время войны с Югуртой автор обосновывает кризисом государственного управления и устройства Рима, общим упадком политической системы под властью узкой группы нобилитета, коррупцией, в том числе и в армии.

Развивая тему кризиса римской государственности, Ковалёв акцентирует внимание на деградации армии, критикуя ее состояние. Ссылаясь на Саллюстия, автор выделял широкий круг проблем: упадок морального духа солдат, грабежи и падение дисциплины. Критический подход к античному источнику позволяет автору, констатируя взяточничество и низкую боеспособность римских войск, стремиться к объективности в оценке их действий в сражениях. В то же время Ковалёв мог быть и предельно критичен: «Дисциплина страшно упала: воины массами дезертировали, перебежали к неприятелю, занимались грабежами. Командный состав был еще хуже. Офицеры брали взятки с неприятеля и проводили время в кутежах»² [14, с. 66]. Исследователь стремился беспристрастно оценивать события, стремился определить причины существенного ослабления римской армии. В результате он пришел к выводу о необходимости замены гражданского ополчения на регулярную армию, а также негативном влиянии на армию существовавшего имущественного ценза.

Первым из отечественных историков Ковалёв подробно анализировал Югуртинскую войну, раскрыл ее значение для Рима. Именно военные действия в Нумидии, как он полагал, вскрыли несовершенство римской военной системы и системы управления, ознаменовав подъем демократического движения.

Обстоятельно анализировал развитие отношений между Римом и Карфагеном, включая и войны между ними, К.А. Ревяко. В одной из первых в отечественной историографии монографий по истории Пунических войн автор, наряду с чисто военными аспектами, уделяет пристальное внимание социально-политическому контексту, факторам, оказывающим влияние на состояние армии каждого из государств [22].

В числе причин присоединения к Риму территорий в Северной Африке Ревяко видит недалекновидную и негибкую политику Карфагена, основной целью правящих кругов которого было исключительно извлечение выгоды. В отличие от них, Рим, форсируя территориальную экспансию, имел более проработанную и дальновидную стратегию внешней политики. Примечательно, что Ревяко отрицает решающую или исключительную роль отдельных исторических личностей в завоевании Римом территорий на Севере Африки, указывая на значимость социально-политических факторов и относительной (пусть и снижающейся) эффективности государственного строя и его базовых институтов.

² Эта позиция уточнена, если не сказать опровергнута, в современных исследованиях, в соответствии с которыми в начале войны римские полководцы проявляли осторожность ввиду вполне объективных трудностей, а не по причине коррупции [34].

Прослеживая становление римской провинции на территории бывшего Карфагена, автор отмечает заинтересованность римской правящей элиты в этих землях. Он детально анализирует административное устройство провинции Африка, критически опираясь при этом на труды античных авторов, выявляя неочевидные ошибки и проблемные аспекты и отмечая существующие в них неточности [22, с. 10].

В этом плане следует обратить внимание на работу С.Л. Утченко. Рассматривая военные действия против Нумидии, исследователь уделяет особенное внимание военной реформе Гая Мария, которая, по его мнению, коренным образом изменила римскую армию и стала одним из решающих факторов победы Рима над Югуртой [27, с. 123–125].

Первым в отечественной историографии Утченко отмечает, что реформирование армии Рима повлияло не только на боеспособность и дисциплину рядовых солдат, но и в значительной степени подняло авторитет командного состава. В то же время авторитетные полководцы могли использовать находившиеся в распоряжении легионы для усиления политического влияния в стремлении к власти. В этом смысле военная реформа, как обоснованно полагает Утченко, положила начало не только усилению армии, но и переходу политической системы Рима к военной диктатуре. В то же время укрепление авторитета армии, как отмечает ученый, не очистило ее от коррупции. Он ссылается на широкий общественный резонанс, вызванный фактами подкупа Югуртой римского военного командования, а также на материалы и итоги судебных процессов над коррупционерами, связанными с Югуртой [27]. Общий вывод Утченко состоит в том, что военная реформа сыграла решающую роль в победе Рима в Югуртинской войне, хотя неоднократные неудачи в этой кампании имеют источником падение боеспособности римской армии, причины которой лежат в социальных, экономических и политических факторах развития Римского государства.

Во второй половине 1980-х – 1990-е гг. на фоне разработки концепции правового государства усилился интерес к историко-правовым исследованиям, в которых выявлялись предпосылки и причины трансформации политической системы Древнего Рима от военной демократии к военной диктатуре [10].

Также следует отметить, что для советской историографии периода «перестройки» был характерен акцент на биографические исследования выдающихся римских политиков и военачальников, которые одерживали победы, укрепляли и расширяли государство. В числе таких исследований отметим работу Н.Н. Трухиной [26].

Третий, современный этап развития историографии характерен деидеологизацией, плюрализмом методологий и мнений, а также широким

использованием достижений зарубежной науки. В этом плане современная российская историография Рима, вероятно, должна если не строиться на базе, то, по меньшей мере, учитывать геополитические концепции, объясняющие формирование, расширение, кризис и закат империй [20], принимая во внимание широко распространенные представления о ЕС как о новой «империи» [21; 30].

В исследованиях по истории Рима целесообразно рассматривать империю с позиции современной геополитики как масштабное по территории, экспансионистское по цели, самодостаточное, но всегда временное политическое образование. В ряду континентальных (теллурократия) и морских (талассократия) империй, Рим представляет собой некий смешанный тип. Экономика империй всегда в ситуации напряжения и неопределенности, т.к. развивается экстенсивно, вслед за распространением суверенитета над новыми территориями [5, с. 342]. Империи всегда не хватает ресурсов, чтобы поддерживать экспансию и сложную систему управления. В определенной для каждой империи момент наступает перенапряжение, сигнализируя о пределе экспансии, империя слабеет и разрушается.

В рамках своей политической парадигмы империя как государство ориентирована на доминирование, как над провинциями, так и над не входящими в ее орбиту (юрисдикцию) государствами или территориями, что усложняет внешнюю политику [27, с. 124].

Свойство любой империи, в том числе и Римской, – способность на пике могущества быть центром силы. Переход государства в имперскую стадию трансформирует его в политику доминирования, концентрации политических и военных ресурсов в имперском центре, политическая власть в котором, как это бывало в Риме, может быть неустойчива. Для империи критически важны адекватное геополитическое позиционирование, основанное на долгосрочном стратегическом планировании [2, с. 126].

Анализ современной отечественной литературы по теме демонстрирует лишь фрагментарное использование геополитических концепций, что не формирует междисциплинарных подходов и предопределяет определенную узость анализа, его актуализации.

В то же время современная историография насыщена исследованиями по Югуртинской войне, особенностям провинциального устройства Древнего Рима. Так, К.В. Рыжов подробно рассматривает военные действия Рима против Югурты. Развивая взгляды Утченко, он акцентирует внимание на роли военной реформы Гая Мария в победе над Нумидийским царем, подчеркивая, что именно изменения в комплектовании римской армии, произведенные консулом, позволили существенно

улучшить военную дисциплину и боеспособность римских войск. Рыжов подробно рассматривает этапы реформы: увеличение срока службы, введение государственного обеспечения солдат оружием и амуницией и отмену имущественного ценза³.

Кроме того, опираясь на Саллюстия, К.В. Рыжов, как и предыдущие исследователи, выделяет коррупцию римской государственной и военной элиты, что и позволяло Югурте в течение продолжительного времени избегать атак римской армии или уменьшать последствия своих действий. При этом К.В. Рыжов, соглашаясь с античным автором, отмечает военные способности полководцев Югурты, которые, однако, не могли длительно противостоять Риму. В отличие от Ковалёва, цитируемый автор не характеризует Югуртинскую войну как неизбежный результат деградации римского государственного аппарата, но поясняет причины коррупции военной элиты в продажности отдельных лиц⁴.

Важным аспектом исследований остается динамика социально-классового состава армии Рима периода поздней Республики. По оценке И.В. Меркулова, именно «военнообязанные пролетарии», «в критические моменты» призываемые на службу, составили в результате реформы Гая Мария «пролетарскую армию» [18, с. 69].

А.П. Беликов рассматривает особенности регионального управления и провинциального устройства Рима, аргументировано связывая их с внутренними политическими процессами перераспределения верховной власти и общим кризисом римской системы управления в целом. В отношениях Рима с его провинциями, автор отмечает, прежде всего, эксплуатацию покоренных народов, многочисленность налогов, податной гнет, рисуя, таким образом, картину колониального по своей сути устройства. В числе главных причин перехода Рима к провинциальному устройству Беликов называет стремление к дальнейшей экспансии [4], чем фактически солидаризируется с исследованиями советского периода.

Отдельным направлением современной историографии следует назвать анализ античных источников. Так, анализируя «Югуртинскую войну» Саллюстия, А.В. Короленков выделяет ресурсно-экономический аспект, акцентируя внимание на описании автором природно-климатических условий Северо-Западной Африки, плодородии земли – тогда основного средства производства, перспектив животноводства [15, с. 154]. Короленкову удалось выявить подходы Саллюстия к анализу экономического поведения римлян, развращенных победа-

³ Рыжов К.В. Югуртинская война. Нашествие кимвров. URL: <http://www.proza.ru/2015/05/15/200> (дата обращения: 11.03.2023).

⁴ Там же.

ми и провинциями. Автор указывает на стяжательство «доблестных потомков Ромула», на то, что для Саллюстия *avaritia* был интересен как не столько моральный порок, а как квазиэкономический мотиватор, не производства, а грабежа, который деформировал систему ценностей *respublica* [15, с. 155].

Анализируя «Югуртинскую войну» Саллюстия, Н.М. Кацман, традиционно причисляя автора к писателям-моралистам, обращает внимание на пессимизм в оценке морально-нравственных качеств современников, на то, что Саллюстий не просто политически пристрастен, а, как утверждает Кацман, «ярко выраженный тенденциозный писатель», пусть и «блестящий стилист», который «описывает волнуемые эпизоды войны, держа читателя в постоянном напряжении, знакомя читателя с непривычными и неудобными для римлян методами ведения войны, которыми пользовался Югурта, а также с интригами и подкупам римских сенаторов и полководцев» [12, с. 227]. Стиль Саллюстия, по оценке автора, краткость, сжатые, часто бессюзные предложения, «буквально переполненными мыслями, за которыми слова как бы не успевают» [Там же]. Такой подход «держит читателя в постоянном напряжении, заставляя его дополнять, «додумывать», улавливать между строк недосказанное» [Там же], чем и занимались многочисленные исследователи Югуртинской войны.

В целом, в рамках третьего историографического этапа существенно раздвинуты рамки методологии. В качестве приоритетных направлений выбран переход Рима к системе провинциального устройства, выявлена специфика римской региональной политики, в том числе в Северной Африке. Анализ военных действий между Римом и Нумидийским правителем Югуртой был дополнен социально-экономическим аспектом.

В современной историографии по-прежнему актуальны военная тактика и военное искусство Древнего Рима и их противников, но рассматриваются они уже в широком геополитическом и социально-экономическом контекстах. В то же время эти аспекты, применительно, например, к Югуртинской войне, нуждаются в комплексном монографическом анализе, принимая во внимание имеющийся в литературе дисбаланс в сторону описания периода, предшествующего военным действиям между Римом и Нумидией. То же относится и к Третьей Пунической войне, которая стала завершением длинной череды войн между Римом и Карфагеном.

Отметим активное и тщательное изучение опыта формирования военной организации и системы комплектования личным составом армий в развитых рабовладельческих государствах Древнего Рима и Карфагена. В исследуемый период были заложены базы организационной структуры вооруженных сил.

Югуртинская война явилась одним из значимых событий II в. до н.э. Данное положение обусловлено не масштабностью военных действий, но наличием кризиса в социально-экономической и политической системе Рима, широким распространением коррупции, значительным снижением боеспособности римской армии, что показали данные военные действия. Кроме того, указанный период в истории Рима ознаменован приобретением государством статуса сильнейшей средиземноморской державы.

Библиографический список / References

1. Алексеева Г.Д. Предисловие // Историческая наука в России в XX веке / Алексеева Г.Д., Сахаров А.Н., Сидорова Л.А. и др. М., 1997. С. 3–12. [Alekseeva G.D. Foreword. *Alekseeva G.D., Saharov A.N., Sidorova L.A. et al. Istoricheskaya nauka v Rossii v XX veke*. Moscow, 1997. Pp. 3–12. (In Rus.)]
2. Асеев А.Д., Шишков В.В. Империя в зеркале геополитики // Управление. 2019. Вып. 7. № 1. С. 121–127. [Aseev A.D., Shishkov V.V. Empire in the mirror of geopolitics. *Upravlenie*. 2019. Vol. 7. No. 1. Pp. 121–127. (In Rus.)]
3. Афанасьев Ю.Н. Феномен советской историографии // Советская историография. М., 1996. С. 146–168. [Afanasiev Yu.N. The phenomenon of Soviet historiography. *Sovetskaya istoriografiya*. Moscow, 1996. Pp. 146–168. (In Rus.)]
4. Беликов А.П. Альтернативы оформления власти Рима: клиента или провинция? // Античное общество IV: Власть и общество в античности. Материалы международной конференции антиковедов: 5–7 марта 2001 г. СПб., 2001. С. 66–74. [Belikov A.P. Alternatives for formalizing the power of Rome: Clientele or province? *Antichnoe obshchestvo IV: Vlast i obshchestvo v antichnosti*. St. Petersburg, 2001. Pp. 66–74. (In Rus.)]
5. Брубанк Дж., Купер Ф. Траектория империи // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М., 2010. С. 325–361. [Brubank J., Cooper F. The trajectory of empire. *Mify i zabluzhdeniya v izuchenii imperii i nacionalizma*. Moscow, 2010. Pp. 325–361. (In Rus.)]
6. Воробьев Р.В. К вопросу о правовых аспектах взаимоотношений Рима с мавритано-нумидийскими царствами в конце III – второй трети I в. до н.э. // Запад–Восток. 2009. № 2. С. 5–10. [Vorobyov R.V. To the question of the legal aspects of relations between Rome and the Mauritanian-Numidian kingdoms at the end of the 3rd – the second third of the 1st centuries BC. *Zapad–Vostok*. 2009. No. 2. Pp. 5–10. (In Rus.)]
7. Гильфердинг Р. Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма (по изд. 1910 г.). М., 2022. [Hilferding R. *Finansovyy kapital. Noveyshaya faza v razvitiy kapitalizma* [Das Finanzkapital. Eine Studie über der jüngsteEntwicklung des Kapitalismus.]. Moscow, 2022.]
8. Голицын А.П. От начала 2-й Пунической войны до начала войн Юлия Цезаря в Галлии (218 г. – 58 г. до Р.Х.) // Всеобщая история военного искусства. М., 1995. Ч. III. С. 417–527. [Golitsyn A.P. From the beginning of the 2nd Punic War to the beginning of the wars of Julius Caesar in Gaul

- (218–58 BC). *Vseobshchaya istoriya voennogo iskusstva*. Moscow, 1995. Part III. Pp. 417–527. (In Rus.)]
9. Игнатенко А.В. Обострение политической борьбы в Риме в годы Югуртинской войны и военная реформа Гая Мария // Ученые записки Хабаровского педагогического института. 1958. Т. 3. С. 94–107. [Ignatenko A.V. The aggravation of the political struggle in Rome during the Yugurtin war and the military reform of Gaia Maria. *Uchenye zapiski Habarovskogo pedagogicheskogo instituta*. 1958. Vol. 3. Pp. 94–107. (In Rus.)]
 10. Игнатенко А.В. Древний Рим: от военной демократии к военной диктатуре (историко-правовое исследование). Свердловск, 1988. [Ignatenko A.V. *Drevnij Rim: ot voennoj demokratii k voennoj diktature (istoriko-pravovoe issledovanie)* [Ancient Rome: From military democracy to military dictatorship (historical and legal research)]. Sverdlovsk, 1988.]
 11. История Древнего Рима: Учебник для вузов по специальности «История» / Кузищин В.И., Маяк И.Л., Гвоздева И.А. и др.; Под ред. В.И. Кузищина. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2000. [Kuzishchin V.I., Mayak I.L., Gvozdev I.A. et al. *Istoriya Drevnego Rima* [History of Ancient Rome]. V.I. Kuzishchin (ed.). Moscow, 2000.]
 12. Кацман Н.Л. Язык и стиль Саллюстия // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2008. Вып. XII. С. 224–236. [Katsman N.L. The language and style of Sallust. *Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya*. 2008. Vol. XII. Pp. 224–236. (In Rus.)]
 13. Клаузевиц К. О войне. М., 1934. [Clausewitz K. *O vojne* [About the war]. Moscow, 1934.]
 14. Ковалев С.И. История Рима / Под ред. Э.Д. Фролова. Испр. и доп. СПб., 2003. [Kovalev S.I. *Istoriya Rima* [History of Rome]. E.D. Frolov (ed.). St. Petersburg, 2003.]
 15. Короленков А.В. Заметки об экономическом факторе в сочинениях Саллюстия // Античный мир и археология. 2010. № 14. С. 152–162. [Korolenkov A.V. Notes on the economic factor in the writings of Sallust. *Antichnyj mir i arheologiya*. 2010. No. 14. Pp. 152–162. (In Rus.)]
 16. Ленин В.И. К пересмотру партийной программы (6–8 (19–21) октября 1917 г.) // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1969. Т. 34. С. 351–381. [Lenin V.I. Lenin V.I. To revise the party program. *Lenin V.I. Polnoe sobranie sochineniy*. Moscow, 1969. Vol. 34. Pp. 351–381. (In Rus.)]
 17. Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1969. Т. 27. С. 299–426. [Lenin V.I. Imperialism as the highest stage of capitalism. *Lenin V.I. Polnoe sobranie sochineniy*. Moscow, 1969. Vol. 27. Pp. 299–426. (In Rus.)]
 18. Меркулов И.В. К вопросу о привлечении бедных граждан на военную службу в республиканском Риме // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2010. № 2. С. 66–72. [Merkulov I.V. On the issue of recruiting poor citizens for military service in Republican Rome. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2010. No. 2. Pp. 66–72. (In Rus.)]
 19. Михневич Н.П. История военного искусства с древнейших времен до начала девятнадцатого столетия. СПб., 1896. [Mihnevich N.P. *Istoriya voennogo iskusstva s drevnejshih vremen do nachala devyatnadcatoگو stoletiya* [History

- of military art from ancient times to the beginning of the nineteenth century]. St. Petersburg, 1896.]
20. Мюнклер Г. Империи. Логика господства над миром: от Древнего Рима до США / Пер. с нем. Л.В. Ланника; Под ред. Т.А. Граблевской. М., 2015. [Münkler H. Imperii. Logika gospodstva nad mirom: ot Drevnego Rima do SShA [Imperien. Die Logik der Weltherrschaft – vom Alten Rom bis zu den Vereinigten Staaten]. Transl. from German. Moscow, 2015.]
 21. Никишин В.О. Pax Romana и римский «империализм» в I в. н.э. // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2019. Вып. 11. № 1. С. 76–90. [Nikishin V.O. Pax Romana and the Roman “imperialism” in I century AD. *RUDN Journal of World History*. 2019. Vol. 11. No. 1. Pp. 76–90. (In Rus.)]
 22. Ревяко К.А. Пунические войны. Минск, 1982. [Revyako K.A. Punicheskie vojny [Punic Wars]. Minsk, 1982.]
 23. Селецкий Б.П. Социально-политическая борьба в Риме в период Югуртинской войны: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1951. [Seletsky B.P. Socialno-politicheskaya borba v Rime v period Yugurtinskoj vojny [Socio-political struggle in Rome during the Yugurtin War]. PhD dis. Leningrad, 1951.]
 24. Селецкий Б.П. Социально-политическая борьба в Нумидии накануне Югуртинской войны // Вестник древней истории. 1964. № 2. С. 149–155. [Seletsky B.P. Socio-political struggle in Numidia on the eve of the Yugurtin War. *Vestnik drevney istorii*. 1964. No. 2. Pp. 149–155. (In Rus.)]
 25. Селецкий Б.П. К вопросу о социально-политической борьбе в Риме в период Югуртинской войны // Вестник древней истории. 1970. № 4. С. 36–54. [Seletsky B.P. On the question of the socio-political struggle in Rome during the Yugurtin War. *Vestnik drevney istorii*. 1970. No. 4. Pp. 36–54. (In Rus.)]
 26. Трухина Н.Н. Политика и политики «золотого века» Римской республики. М., 1986. [Truhina N.N. Politika i politiki «zolotogo veka» Rimskoj respublikii [Politics and politicians of the “Golden Age” of the Roman Republic]. Moscow, 1986.]
 27. Утченко С.Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965. [Utchenko S.L. Krizis i padenie Rimskoj respublikii [Crisis and the fall of the Roman Republic]. Moscow, 1965.]
 28. Филиппов А.Ф. Империя живет, пока есть представление об имперской миссии // Политический журнал. 2005. № 24 (75). С. 32–39. [Filippov A.F. Empire lives while there is an idea of the imperial mission. *Politicheskij zhurnal*. 2005. Vol. 24 (75). Pp. 32–39. (In Rus.)]
 29. Шифман И.И. Карфаген. СПб., 2006. [Shifman I.I. Karfagen [Carthage]. St. Petersburg, 2006.]
 30. Шишков В.В. Европейский Союз – от идеи наднационального суверенитета к новой западноевропейской «Империи»: проблемы и перспективы европейской интеграции // Антиномии. 2014. Вып. 14. № 1. С. 93–106. [Shishkov V.V. The European Union – from the idea of supranational sovereignty to a new Western European “Empire”: Problems and prospects of European integration. *Antinomii*. 2014. Vol. 14. No. 1. Pp. 93–106. (In Rus.)]
 31. Herberg-Rothe A. Clauzewitz’s “Wondrous Trinity” as a coordinate system of war and violent conflict. *International Journal of Conflict and Violence*. 2009. Vol. 3. Pp. 204–219.
 32. Haushofer K. Apologie der deutschen «Geopolitik». *Jacobsen H.-A. Karl Haushofer. Leben und Werk*. Boppard am Rhein, 1979. Bd. I. S. 639–652.

33. Parker V.L. Romae omnia venalia esse. Sallust's development of a thesis and the prehistory of the Jugurthine War. *Historia*. 2004. Bd. 53. Ht. 4. S. 408–423.
34. Zielonka J. Europe as empire: The nature of the enlarged European Union. Oxford, 2006.

Статья поступила в редакцию 21.11.2022, принята к публикации 29.03.2023

The article was received on 21.11.2022, accepted for publication 29.03.2023

Сведения об авторе/ About the author

Шаповалов Александр Александрович – аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков им. В.Ф. Семёнова Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Alexander A. Shapovalov – postgraduate student at the Department of the History of the Ancient World and the Middle Ages of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University

E-mail: Saprano007@yandex.ru